

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-361-379>

<https://elibrary.ru/YNHILC>

ПРОТЕСТ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» (ШТРИХИ К ОБРАЗУ ПИСАТЕЛЯ А.М. РЕМИЗОВА)

© 2024 г. С.Н. Доценко

Аннотация: В статье исследуется феномен индивидуального протеста в биографии писателя А.М. Ремизова. Ремизов использует образ так называемого «маленького человека» для осмеяния и разоблачения своих знаменитых современников. Главный жанр, описывающий такие ситуации осмеяния и разоблачения, — это анекдот, основой которого являются шутка, розыгрыш, мистификация с участием самого Ремизова.

Ключевые слова: русская литература, А.М. Ремизов, протест, «маленький человек», анекдот, мистификация.

Информация об авторе: Сергей Николаевич Доценко — PhD, доцент, Таллиннский университет, университет, Нарвское ш., д. 29, 10120 г. Таллинн, Эстония.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8621-4525>

E-mail: dotsenkosergeri@hotmail.com

Для цитирования: Доценко С.Н. Протест «маленького человека» (Штрихи к образу писателя А.М. Ремизова) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 361–379.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-361-379>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

A “LITTLE MAN’S” PROTEST (THE TRAITS TO THE IMAGE OF THE WRITER ALEKSEI REMIZOV)

© 2024. Sergei N. Dotsenko

Abstract: The article explores the phenomenon of individual protest in the biography of the writer Alexei Remizov who uses the image of the so-called ‘little man’ to ridicule and expose his famous contemporaries. The main genre that describes such situations of ridicule and exposure is the anecdote, the basis of which is a joke, a prank, or a hoax with the participation of Remizov himself.

Keywords: Russian literature, Aleksei Remizov, protest, “little man”, anecdote, hoax.

Information about the author: Sergei N. Dotsenko, PhD, Associate Professor, Tallinn University, Narva Road 29, 10120 Tallinn, Estonia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8621-4525>

E-mail: dotsenkosersei@hotmail.com

For citation: Dotsenko, S.N. “A “Little Man’s” Protest (the Traits to the Image of the Writer Aleksei Remizov).” *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrub, manag. ed. M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 361–379. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-361-379>

Когда я перед чашей читал за священником молитву,
я от всего сердца выговаривал:
«Но яко разбойника, прими мя».
Я как бы заглянул в свое будущее:
когда я вырасту, я буду разбойником!

А. Ремизов

В 1927 г. Г. Адамович в своей рецензии на повесть А. Ремизова «Оля» высказал достаточно интересную догадку о сущности Ремизова как писателя:

В сущности, его томит старая русская тоска о бунте, всепожирающий «огнь возмущения», неутолимое неудовольствие, полуиноческое, полуразбойничье. От монаха — умиление, славянское францисканство, «березки, лужицы, рожицы», нестеровско-зосимовская «Святая Русь», и дальше, глубже — подвижничество; от разбойника — дерзость, вызов, озорство, нигилизм к культуре <курсив мой. — С.Д.>. То и другое скрыто, притушено и только изредка прорывается. Но прорывается с такой силой, что ни ласковой воркотне, ни вкрадчивому говорку, ни безобидным анекдотцам больше не веришь, а слушая все это, только со смущением вспоминаешь, что недаром же Ремизов издавна слывет великим притворщиком, смутьяном «себе на уме». Любовь и ненависть его затаены, приручены, а дай он им волю, не сдержи он их диких порывов, он в мире камня на камне не оставил бы [12, с. 487–488]¹.

А в рецензии 1933 г., посвященной 51-й книге «Современных записок», та же мысль Г. Адамовича прозвучала более кратко: «Любопытно, что у Ремизова создалась репутация забавника, затейника —

¹ Добавим, что подобного рода амбивалентность русского национального характера кратко описал М. Волошин в стихотворении «Неопалимая купина» (1919): «Мы — зараженные совестью: в каждом // Стенке — святой Серафим, // Отданный тем же похмельям и жаждам, // Тою же волей томим» [18, с. 243]. О том, что сюжет о раскаявшемся разбойнике был значим для Ремизова, свидетельствуют образы некоторых его героев. Например, мальчик Петька из рассказа «Богомолье» (1905) мечтает: «Всю дорогу помалкивал Петька, крепкую думу думал: поступить бы ему в разбойники, как тот святой, о котором странник-старичок рассказывал, грех принять на душу, а потом к Богу обратиться — в монастырь уйти» [28, т. 2, с. 28]. Мечтает об этом и Петька из рассказа «Петушок» (1911): «Петька, наслушавшись от странников на богомолье о жизни подвижников, как дошли угодники до своей святости, мечтал когда-то поступить в разбойники, грех принять на душу, а потом к Богу отойти, в монастыре — в пещере жить» [27, с. 31].

и, кажется, сам он ее охотно поддерживает. Между тем, судя по некоторым глухо прорывающимся в его творчестве нотам — *это едва ли не самый грозный, гневный, библейски-пламенный и страстный из наших писателей* '*<курсив мой. — С.Д.>. <...>* В согласии с собственной своей формулой, Ремизов предпочитает улыбаться и отшучиваться» [13, с. 213].

Наблюдение Г. Адамовича, который, судя по большинству его публичных высказываний о Ремизове, не был поклонником его творчества, представляется несколько неожиданным. Прежде всего потому, что в большинстве мемуарных очерков писатель Ремизов отнюдь не выглядит как «пламенный революционер», как эдакий «нигилист», «бунтовщик» или «разбойник». Скорей Ремизов запомнился современникам как шутник, как безобидный любитель провокаций и розыгрышей, и отчасти — как своеобразный юродивый [см.: 2, с. 102–138].

Собственно революционная биография Ремизова укладывается в период 1896–1903 гг. 18 ноября 1896 г. он был арестован за участие в студенческой демонстрации, затем был отправлен в ссылку в Пензу под гласный надзор полиции, а в феврале 1898 г. в Пензе вновь был арестован (за участие в революционной агитации и пропаганде среди рабочих) и в 1900 г. этапирован к месту ссылки в Усть-Сысольск (с 1901 г. он отбывал ссылку в Вологде). После окончания срока ссылки Ремизов жил в Одессе, Киеве, а в феврале 1905 г. перебрался в Петербург. Интерес к революционной деятельности Ремизов утратил еще в Вологде, а с 8 сентября 1902 г. началась биография Ремизова как писателя².

О причинах и обстоятельствах своего первого ареста Ремизов вспоминал в мемуарной книге «Иверень»: «Студенческими делами я не занимался и в землячествах не участвовал и раз всего на вечеринке был с пением, танцами и марксистом. И попал я на студенческую демонстрацию только посмотреть (18.XI.1897³). Правда, погорячился, меня и зацапали. И без разговору потащили на Тверскую. А вечером из части на Таганку в Каменщики» [28, т. 8, с. 283].

Примерно так же Ремизов объяснял причину своего ареста в 1896 г., рассказывая о нем мемуаристке Н. Кодрянской: «Со мной всегда путаница и недоразумения. Идти на демонстрацию я подлинно не гадал и не думал, а собирався вечер провести за работой, и кроме того я был против студенческих демонстраций, считая их

² См. первую публикацию А. Ремизова под псевдонимом Н. Молдаванов [23, с. 3].

³ Здесь: ошибка А. Ремизова, правильно — 1896 г.

“буржуазным явлением”. А уговорил приятель. Только взглянуть. На демонстрацию я попал в разгон, и перед стеной конных жандармов и казаков погорячился, первым был арестован и отправлен с городовым в Тверскую часть, как “агитатор”. В части вечером, когда пригнали других арестованных на демонстрации и я вышел к ним к столу пить чай, меня приняли за провокатора» [20, с. 79].

Как показала А. Грачева в статье «Революционер Алексей Ремизов: Миф и реальность», уже в 1900-е гг. Ремизов склонен был трактовать свой арест (и участие в революционной деятельности в целом) как якобы случайный эпизод, о чем свидетельствует его письмо Г. Чулкову от 15 ноября 1911 г.: «А зимою в ходынскую демонстрацию (18.XI.1896) случайно загнан в манеж, откуда переведен в Тверскую часть, а к ночи в Таганку — в Каменщики. Из Каменщиков после рождества меня перевезли на вокзал и я поехал в Пензенск[ую] губ[ернию] под глас[ный] надзор на 2 года» [1, с. 421].

В мемуарной книге «Иверень», оглядываясь на свой юношеский революционный опыт, Ремизов приходит к выводу: «В “революционеры” я себя не предназначаю, на “подпольное” и “партийное” дело не гожусь, меня тянет на простор — на волю, без оглядки и “что хочу”, а не то, “что надо”, — по своей воле и пусть в темную, но отвечаю сам за себя» [28, т. 8, с. 445]; «Такое чувство: не туда попал. Очень я не подходил ни к кому, с кем привела судьба жить. Все жили под знаком “революция”, а у меня было еще что-то, что было выше “революции”. У них было “общее”, а я хотел по-“своему”» [25, с. 153].

Еще в Вологде Ремизов окончательно порывает с революционным движением, а в конце 1902 г. подвергается бойкоту за якобы «разлагающее влияние» на С.П. Довгелло, также отошедшую от революционной деятельности (хотя ей предназначалось сыграть важную роль в боевой организации партии эсэров): «И началось на меня гонение. Коноводом стал Б.В. Савинков. И.П. Каляеву просто запрещено было со мной видаться. Я остался кругом один» [25, с. 156].

Сам Ремизов нежелание подчиняться диктату партийных целей и обязанностей, а priori подавляющих свободу человека жить по-своему, определяет знаменательным выражением: «чай-то мой поперечный» [28, т. 5, с. 70]. В последнем случае Ремизов вспоминает эпизод из своей ссыльной жизни: в Усть-Сысольске весной 1901 г. на его квартире был проведен обыск, после которого он вдруг предложил полицейским, проводившим обыск: «Самовар поспел, давайте чай пить!» [28, т. 8, с. 415]. Те отказались, а потом, как вспоминает Ремизов, «от своих мне будет укор: “чего с полицией возжаюсь?” — а я, ей-Богу, искренно о чае» [28, т. 8, с. 415].

Об этих нравах колонии политических ссыльных в Вологде свидетельствует и Н.А. Бердяев, отбывавший ссылку в одно время с Ремизовым: «За много лет до образования у нас большевизма я столкнулся с явлением, которое можно было назвать тоталитаризмом русской революционной интеллигенции, с подчинением личной совести совести групповой, коллективной. Тенденция к подавлению личности всегда была. Когда большая группа ссыльных приехала в Вологду, то возник, между прочим, глупый вопрос о том, нужно ли подавать руку полицмейстеру, и его хотели решить коллективно» [17, с. 127].

Ремизов не приемлет коллективную революционную деятельность, предполагающую партийный диктат и партийную дисциплину. В «Дневнике 1917–1920 гг.» есть примечательная запись Ремизова от 6 мая 1917 г.: «Партиям не нужна никакая правда, им нужно, чтобы показать правоту партии: потому так и много лжи» [24, с. 428].

Аналогичное рассуждение находим в книге «Взвихренная Русь»: «И до чего эти все партии зверски: у каждой только своя правда, а в других никакой, везде лишь ложь. И сколько партий, столько и правд, и сколько правд, столько и лжей» [28, т. 5, с. 71]. Иными словами: Ремизов не отвергает революцию, но он отказывается примириться с тем, что революция «человека топчет» — ломает человеческие судьбы: «Да, потому и наперекор: ведь катастрофа-то <революция — С.Д.> для человека, а человека топчет!» [28, т. 5, с. 54]. В «Рабочей тетради» (начало 1920 гг.) он сформулирует свою позицию еще яснее: «Революция шла во имя народа для народа — воля народа. И вот достиг народ власти и во главе стали революционеры.

А “подпольный человек” говорит:

— Народ или я?

— Я. И подчиняться “воле народа” не желаю: под ничью дудку или “не народа” плясать не буду.

— Враг народа.

Нет, какой же я враг, но принимаю и это имя во имя свободы моего я» [24, с. 513–514].

Поэтому Ремизов отстаивает право на «свободу моего я», свою личную свободу, в том числе — право на свой личный протест: «Одно хочу я, раз уж такая доля и я застигнут бурей, и я, беззащитный, брошенный среди беспощадной бури, я хочу под гром грозы и гремящие вихри, сам, как вихрь, наперекор <....> взыву теснящихся вещей, с которыми сращен, как утробный, продираясь сквозь живую, бьющуюся живым сердцем толчею жизни, я хочу этой же самой жизни, через все ее тысячекратные громы под хлест и удары в отдар —

прокурекать петухом» [28, т. 5, с. 76; разрядка А. Ремизова. — С.Д.].

«Прокурекать петухом» — это и есть форма протеста маленького человека. С одной стороны, это — реминисценция сна Ремизова «Обезьяны» (1905), в финале которого царь обезьяний Асыка кричит петухом в лицо некоему «гордому всаднику» на «медном коне»: «<...>Прискакал на медном коне, как ветер, всадник, весь закованный в зеленую медь — высоко взвившийся аркан стянул мне горло. И я упал на колени. И в замеревшей тишине, дерзко глядя на страшного всадника, перед лицом ненужной, непрошенной смерти, я, предводитель шимпанзе Австралии, Африки, Азии и Южной Америки, прокричал гордому всаднику — ненавистной мне смерти — трижды петухом» [28, т. 7, с. 410; см. подробнее: 5, с. 117–121].

С другой стороны, «гордый всадник» на «медном коне» — это аллюзия на «горделивого истукана» («кумира на бронзовом коне»), заглавного героя поэмы А. Пушкина «Медный всадник». И тогда ремизовское «прокурекать петухом» — аналог протеста-укора пушкинского Евгения, обращенного к статуе Петра I: «Ужо тебе!» А в повести Ремизова «Крестовые сестры» (1909) «маленький человек», петербургский чиновник Петр Маракулин, также обращается к Медному всаднику («горделивому истукану», олицетворению императора Петра I) со словами укора: «В Александровском саду он <Маракулин. — С.Д.> было присел на скамейку и вдруг, как ужаленный, вскочил и опять пошел. Около памятника Петру остановился:

— Петр Алексеевич, — сказал он, обращаясь к памятнику, — Ваше Императорское Величество, русский народ настой из лошадиного навоза пьет и покоряет сердце Европы за полтора рубля с огурцами. Больше я ничего не имею сказать! — снял шляпу, поклонился и пошел дальше, по Английской набережной через Николаевский мост на Васильевский остров» [28, т. 4, с. 201; см. также: 4, с. 40–67].

Перед нами — одна из форм личного (индивидуального) протеста против государственной, партийной или литературной идеологии, против любых видов иерархии, против власти авторитетов или ее символов⁴.

⁴ Суть идеологии Обезвельволпала заключается в отказе от всякой идеологии (политической, религиозной, философской или литературной), которая подавляет свободу человека «быть самим собой». В этом смысл «свободновыраженной анархии» Обезвельволпала, согласно которой князь или кавалер обезьяний «имеет все права без никаких обязанностей — все может и никому ничего не должен» (Обезьянье удостоверение В.П. Никитина (15.XII.1950 г.); цит. по: [8, с. 330–331]).

Другой формой протеста у Ремизова стало юродство с характерными для этого феномена признаками озорства и шутовства. Разумеется, юродство Ремизова, подмеченное многими современниками, было явлением не религиозным, а преимущественно социокультурным. Юродство как форма социального протеста — это прежде всего осмеяние мнимого ума, мнимого авторитета, мнимого величия. В том числе — своеобразное юродское осмеяние тех или иных общественных и/или государственных институтов.

В частности, через призму юродства как протеста следует рассматривать многочисленные чудачества, розыгрыши Ремизова, которые обрели вид анекдотов. Мы полагаем, что многие ремизовские анекдоты следует рассматривать именно как феномены имплицитного индивидуального протеста против социальной и/или культурной иерархии. Не случайно в этих анекдотах персонажами становятся «знаменитые» его современники: Д. Мережковский, Н. Бердяев, С. Дягилев, В. Розанов, А. Луначарский, М. Горький, Н. Гумилев, посол СССР во Франции А.Е. Богомоллов и др. В ремизовских анекдотах знаменитые писатели или общественные деятели обычно оказываются в смешном и/или глупом положении, тогда как совсем незнаменитый, «маленький человек» А. Ремизов, одурачив их, в итоге оказывается мудрым, доказывая свое превосходство над «великими» и «знаменитыми». Об этом пронизательно вспоминала А. Тыркова-Вильямс: «В нем <Ремизове. — С.Д.> нет ни тени карающего негодования сатирика или юродивого. Только снисходительное и горькое признание ничтожества людского. <...> Ему нравится, позвякивая бубенцами, дурачить всех, важных и маленьких, незаметных и именитых, дураков и умников. Особенно именитых глупцов» [29, с. 342]⁵.

Об этом же в связи с Обезвельволпалом Ремизова писала и О. Форш в романе «Ворон» (в котором Ремизов выведен под прозвищем «Чародей»):

Про чародея слышал я немало от близких знакомых, от одного удивительного себялюбца, которого чародей однако сумел поработить себе на потребу. Кроме того, ходит по городу слух, что правит

⁵ Следует оговорить, что в словах А. Тырковой-Вильямс («В нем нет ни тени карающего негодования сатирика или юродивого») обнаруживается не совсем верное понимание феномена юродства, так как юродивый больше изобличает и высмеивает, нежели негодует и карает. Кроме того, само понятие «сатиры» не всегда подразумевает «карающее негодование».

он людьми, изобретает собственную геральдику, выдает грамоты из «зверовой палаты», то повышает в званиях, то лишает сана. И курьезно, ведь добился того, что люди гордились его грамотой с непристойной печатью и соревновались в «рабстве» его дому. Ставили ему самовар, кололи дрова, таскали тяжести и мало ли что [30, с. 99].

Упоминание «зверовой палаты» (т. е. мифической «Обезьяньей Великой и Вольной Палаты») не случайно, так как скромный «канцелярист» Ремизов, выдавая от лица «невидимого» царя Асыки обезьяньи грамоты, тем самым обретал своеобразную власть над многими великими современниками: писателями, философами, художниками⁶.

Сам Ремизов вспоминал в книге «Кукха» о своеобразном «рабстве» Н. Гумилева: «В Казачьем появился Н.С. Гумилев и некоторое время “до Абиссинии” находился в “рабстве” — в работе: бегал в лавочку за лимоном, бумагой, спичками. Ему это очень нравилось и впоследствии, по его признанию, он в своем цехе и студии проводил эту систему — беспощадно» [28, т. 7, с. 74]⁷.

Впрочем, случай с «рабством» Гумилева относится ко времени, когда Обезвельволпала как такового еще не было. Однако примечательна та интенция, которая затем в нем реализовалась. И фигура Гумилева здесь символична, ибо это был тот самый Гумилев, который в памяти современников остался как человек, мечтавший «учить, покорять, вызывать к себе поклонение» [22, с. 81].

Об этом свидетельствует анекдот с Н. Гумилевым, произошедший в Петрограде (уже после революции, вероятно, в 1918–1919 гг.): «Он говорил необыкновенно вежливо и в то же время важно, а дело его было просительное и совсем не литературное, а “обезьянье”.

— Нельзя ли произвести меня в обезьяньи графы: я имею честь состоять в “кавалерах”, мне бы хотелось быть возведенным в графы.

— Да нету такого, — ответил я, — чего вам, вы и так, как Блок и Андрей Белый — “старейшие кавалеры” и имеете право на обезьянью службу.

— Нет, я хочу быть обезьяньим графом.

“А и в самом деле, — подумал я, — графов не полагается, но если заводить, то только одного, и таким может быть только Гумилев”.

⁶ Возможно, это объясняет прозвище, которое дал Ремизову «музыкант Обезвельволпала» М. Кузмин: «Тиранщик» [21, с. 148].

⁷ По адресу М. Казачий пер. (д. 9, кв. 34) А. Ремизов жил в 1907–1911 г., а в Абиссинию Н. Гумилев отправился осенью 1909 г.

— Моя должность, Николай Степанович, как вам известно, маленькая, — сказал я полуртом, боясь ветра, — я, как “бывший канцелярист обезвельволпала”, спрошу — —

— Очень вам буду благодарен» [28, т. 5, с. 255–256].

В чем пуант этого анекдота? В том, что от скромного «канцеляриста» Обезвельволпала Ремизова, «маленького человека», полностью зависит, получит ли Н. Гумилев желаемый титул «обезьяньего графа». А знаменитый поэт Н. Гумилев вынужден почтительно просить об этом Ремизова. И хотя в поведении Гумилева многое было от игры, подчеркнуто почтительное отношение «старейшего кавалера» Гумилева к «канцеляристу» Обезвельволпала Ремизову было иллюстрацией евангельского изречения: «И кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом» (Марк. X, 44).

В этом же ряду анекдот с участием С. Дягилева, который относится к 1905 г., когда Ремизов служил секретарем журнала «Вопросы жизни»:

Наше знакомство начинается по-дурачки: я написал Дягилеву — Дягилев мне не ответил. Не отвечают на письма: или опытные жулики — всякий документ и самый незначительный улика; или незаинтересованные — на всякое чиханье не наздравствуешься; или что веруют в грамматику и стесняются своей нетвердости. С Дягилевым никакого не путается — так в чем же дело? “ «Что вы такое написали, Дягилев обиделся?» — озадачил меня Жуковский.

— По делу о ликвидации Мира Искусства, — и я показал копию моего письма, — Дягилев не ответил.

Жуковский, внимательно читая мое письмо, подхмыкивал, что означало «правильно». «Но при чем тут дворецкий?» — и он громко повторил мою подпись: «дворецкий Вопросов Жизни».

— Дворецкий, моя должность!

— «Понимаю! — громче произнес Жуковский, радуясь, что решил загадку, — Дягилев обиделся на “дворецкого”. Говорят, он сказал: “я с лакеями не переписываюсь”».

— А вы знаете, что такое «дворецкий»? и я Дягилевым гордо поднял голову. Дворецкий первый при московском царе и великом князе заступает царя в судебных решениях. А он меня в лакейскую. Да это все равно, что спутать государева приказного дьяка с церковным дьячком! [28, т. 10, с. 260–261].

Суть анекдота: сам «великий» С. Дягилев не знал, что означало слово «дворецкий» на Руси в XV–XVI вв. (придворный чин, возглав-

лявший Дворецкий приказ, т.е. — отнюдь не лакей, так как дворецкими были обычно бояре), и поэтому был посрамлен Ремизовым («И я Дягилевым гордо поднял голову»)⁸.

Но этот анекдот Ремизов предваряет описанием образа С. Дягилева, каким он сложился у современников: «Дягилев (1872–1929) в Петербурге искони был “идолище” — и таким остался до своего русского “интернационала”: он покинул Россию для всемирной славы России. На него смотрели: человек, одаренный всеми дарами: певец, музыкант, художник, писатель» [28, т. 10, с. 259].

Но пуант этого анекдота еще и в том, что Ремизов, давая характеристику личности С. Дягилева, сам называет его также... «дворецким»: «Обездолив талантами, судьба наделила Дягилева редким *таланом* <курсив А. Ремизова. — С.Д.>. Талан Дягилева — суд Судить — различать. Дягилев великий дискриминатор — “в равных различаю”. Он покажет всему миру из русской сокровищницы русские драгоценности. *Дворецкий в чужих прославит свой Двор-Россию* <курсив мой. — С.Д.>.: Шаляпин, Нижинский, Лифарь. — Стравинский, Прокофьев. — Павлова, Карсавина, Спесивцева. — Бенуа, Серов, Бакст, Рерих, Головин, Лансере, Еремич, Ларионов, Гончарова» [28, т. 10, с. 260].

Примечательна ремизовская фраза: «Дворецкий <т. е. С. Дягилев. — С.Д.>. в чужих прославит свой Двор-Россию». Иными словами, в двусмысленной роли «дворецкого» оказался не столько Ремизов, сколько сам Дягилев. К этому анекдоту примыкает и другой, относящийся также ко времени работы Ремизова секретарем в журнале «Вопросы жизни» в 1905 г.: «Ходасевич рассказывал со слов Чулкова, что, когда А.М. <Ремизов. — С.Д.>. работал секретарем в журнале “Вопросы жизни”, он как секретарь не присутствовал на заседаниях редколлегии, но пока шло заседание, собирал в соседней комнате калоши заседающих, ставил их в кружок, сам садился в середину и играл с калошами в заседание» [16, с. 307].

Смысл этой шутки Ремизова, очевидно, был в том, что «маленький человек» Ремизов, будучи всего лишь секретарем редакции журнала, в ходе игры с калошами членов редколлегии, пусть и пародийно, по-юродски, но обретает над ними власть. И на самом деле уважаемые члены редколлегии становятся не более уважаемыми, чем их собственные калоши. Опять перед нами сцена разоблачения

⁸ Добавим также, что само упоминание фамилии лица во множественном числе («Дягилевы») является жестом пренебрежения и унижения (случай пейоративного множественного числа).

и осмеяния, которую разыгрывает Ремизов. В этой шутке Ремизова есть нечто детское, но стоит отметить, что детскость нередко была атрибутом исторического юродства, о чем писатель хорошо знал.

Сам характер поведения юродивого, которое Б.А. Успенский относил к типу дидактического антиповедения [10, с. 468–470], закономерно мог актуализировать признаки инфантильности⁹, ведь именно дети более склонны нарушать или отвергать нормы «взрослого» (т. е. «нормального») социального поведения. Кроме того, юродивый, противопоставляя себя «нормальному» взрослому миру, с неизбежностью являет черты детского простодушия. О проявлении детскости в юродстве пишет К. Юсупов в статье «Трансцендентальная эстетика Достоевского»: «В феномене юродства даны смысловые сцепления детскости, правды и праведности» [6, с. 106]¹⁰.

Черты детского поведения заметны, например, в житии византийского юродивого Симеона: «Пробыв, как уже было сказано, в святых местах три дня, Симеон приходит в город Эмес. А появление его в этом городе было таково: честной Симеон, увидев на гноище под стенами сдохшую собаку, снял с себя веревочный пояс и, привязав к ее лапе, побежал, волоча собаку за собой, и вошел в город через ворота, расположенные вблизи школы. Дети, заметив его, закричали: “Вот идет авва дурачок!” — и бросились за ним бежать, и били его. На следующий день — это было воскресенье — он запаса орехами и, войдя в церковь при начале службы, стал бросаться ими и гасить светильники. Когда подошли люди, чтобы его вывести, Симеон вскочил на амвон и начал оттуда кидать в женщин орехами. С большим трудом его вывели на улицу, и тут он опрокинул столы пирожников, которые до полусмерти избili его» [19, с. 154].

Все действия юродивого Симеона (волочение дохлой собаки, бросание орехов в церкви, опрокидывание столов пирожников и др.) напоминают детские шалости и озорство, которые демонстративно нарушают «взрослый» порядок. Возможно, ассоциация юро-

⁹ Отметим, однако, что А.М. Панченко в своей работе «Юродивые на Руси» лишь в одном случае указывает на связь юродства с детским поведением, когда объясняет причину «косноязычного бормотания» («словеса мутные») византийского юродивого Андрея Цареградского: «Эти “словеса” — сродни детскому языку, а детское “немотствование” встарь считалось средством общения с Богом» [9, с. 341].

¹⁰ См. также: «Юродивые естественно должны явиться в общественной жизни подобными бессмысленным детям. Попечение о пище, одежде, приличии, словом, — все обязанности, из выполнения коих большею частью слагается деятельность существа разумночувственного, для них оставались как бы неизвестными и ненужными» [11, с. 57].

дивых с детьми восходит к словам Иисуса Христа: «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Матф. XVIII, 1–4).

Кроме того, особую связь юродивых с детьми Ремизов мог наблюдать и сам, поскольку в 1880-е гг. в Москве (где родился Ремизов и где прошли его детские годы) юродивые были еще отчасти живым явлением. Об одном таком юродивом Ремизов вспоминает в автобиографической книге «Учитель музыки»: «На Земляном валу, по Басманной, и в Лефортове ходил юродивый, — святой человек. Звали его “Пластырь”: очень помогал во всех бедах и напастях. Ходил он с палкой, как слепой, хотя на глаза не жаловался, а говорили про него, что от него ничего не скроешь, насквозь человека видит. Его и побаивались и ухаживали. С детьми он был всегда ласков. Собаки его не трогали, и дети не боялись» [28, т. 9, с. 177].

В этой связи также показателен анекдот о том, как в 1930-е гг. в Париже Ремизов получал удостоверение личности (*carte d'identité*):

Вспоминаю, как Алексей Михайлович ходил в префектуру подавать прошение о возобновлении картдиантите. В то время в префектуре приходилось простаивать в очередях часами, иногда и по два дня. Когда Алексей Михайлович собрался пойти, было очень холодно, и он оделся не совсем обычно: поверх пальто закутался в длинную красную женскую шаль, перевязав ее на груди, как это делают бабы, крест-накрест; на голову надел еще вывезенную из России странной формы высокую сукодную шапку, опушенную мехом. Сгорбленный, маленький, в очках, с лохматыми, торчащими вверх бровями, в невероятно больших калошах, зашагал в префектуру. В руках нес прошение на гербовой бумаге, расписанное им самим и разукрашенное самыми разными заставками и закорючками: без сомнения, самый удивительный документ, когда-либо поданный в парижскую префектуру. При виде такого необычного просителя ряды разомкнулись, и Ремизов без задержки прошел в здание. Чиновники, конечно, тоже сразу обратили внимание на него и на его прошение, один подозревал его вне очереди. Алексей Михайлович потом, посмеиваясь, рассказывал: “Чиновник оказался большим любителем «каллиграфии» и пришел в восторг от моего прошения”. Оно обошло всю префектуру, и Алексей Михайлович тут же, без проволоочки, получил свое удостоверение, что обычно так легко не делалось [20, с. 15–16].

В последнем случае шутовской наряд Ремизова (и его экстравагантное поведение в целом) в государственном учреждении можно рассматривать как своего рода насмешку над бюрократическими правилами и бюрократическим этикетом, причем и здесь можно увидеть мотив детского озорства.

Из этого же разряда — знаменитое ремизовское «Валенковое прошение» (от 24 октября 1919 г.): «Заведующей петроградским отделом театров и зрелищ Марии Федоровне Андреевой 'от' Алексея Михайловича Ремизова. Валенковое прошение. По несчастному обстоятельству прошу о валенках. Стыть и стужа пробирают все семь шкурков моих, а пуще того ноги околели» [7, с. 510]. Заведующая М.Ф. Андреева распорядилась: «Убедительно прошу удовлетворить» [7, с. 510].

В этом «Валенковом прошении» Ремизова также проступает наивный детский стиль. Детская стилистика в поведении Ремизова проявляется и в таком анекдоте, который сохранился в двух версиях (в мемуарной книге Ремизова «Кукха» и мемуарных книгах Андрея Белого):

«Именины Варвары Дмитриевны Розановой.

— Сыт, пьян и нос в табаке! — вот как полагается.

Вымазал я нос табаком Вяч. Иванову. А после ужина перевернул с помощью именинницы качалку с Н.А. Бердяевым. Бердяев ничего, только кашлянул, а Андрей Белый от неожиданности финик проглотил» [28, т. 7, с. 56]¹¹.

В мемуарах Андрея Белого отразились два микросюжета этого анекдота:

<...> А вот он, — сутуленький, маленький, — в том же свисающем с плеча пледике (ему холодно), выбравши жертвой великопного Вячеслава Иванова, — таскается за ивановской фалдой; куда тот — туда этот; пальцем показывает на фалду: «У Вячеслава Иваныча — нос в табаке... У Вячеслава Иваныча — нос в табаке...» Это тонкий намек на какое-то «толстое» обстоятельство: экивоки, смешочки писателя, взявшего на себя в этом обществе роль Эзопа, — всегда не случайны <...> [14, с. 64–65].

И весь вечер, сутуленький, маленький, странно таскался за В.И. Ивановым; вдруг, подскочивши к качалке, в которой массивный Бердяев сидел, он стремительно, дьявольски-цепким движением перепрокинул качалку; все, ахнув, вскочили; Бердяев, накрытый качал-

¹¹ Подробный анализ этого анекдота см.: [3, с. 179–187].

кой, предстал нам в ужаснейшем виде: там, где сапоги, — голова; там же, где голова, лакированных два сапога; все на выручку бросились <...> [15, с. 480].

Чем примечателен этот анекдот? Прежде всего тем, что объектами ремизовского озорства (юродства) стали два авторитетных для современников человека: поэт-символист и теоретик символизма Вяч. Иванов («Вячеслав Великолепный») и философ Н. Бердяев. Их двоих объединяет, кроме того, исключительная житейская серьезность. И именно их серьезность провоцирует Ремизова подвергнуть их озорному детскому осмеянию и развенчанию. Особенно это удалось в отношении философа Бердяева. Фигура Андрея Белого (который «от неожиданности финик проглотил») в этом анекдоте тоже наделяется чертами инфантильности: он становится зрителем ремизовского озорства, чем то напоминающим ребенка.

А вот анекдот, в котором объектом ремизовской мистификации становится Д.С. Мережковский (анекдот датируется апрелем 1905 г., когда Ремизов работал секретарем в редакции журнала «Вопросы жизни»):

Пришел швед из Стокгольмской газеты. Расспрашивал меня — но какая уж у меня биография, рассказывать о своей неприкаянности? А сочинять — не в ударе. И повел его к Бердяеву. Бердяеву лестно: напишут в Стокгольме. По дороге — третий этаж — не удержался и «по секерету» открыл ему о последней книге Мережковского: роман «Царь Новохудоносор». Швед записал [26, с. 449].

Разумеется, Мережковский не писал никакого романа «Царь Новохудоносор». Но для Ремизова главное — пошутить над знаменитым тогда автором романа «Петр и Алексей». Продолжение этой шутки над Мережковским находим в письме Ремизова жене, С.П. Ремизовой-Довгелло, от 23–24 апреля 1905 г.: «Получил от Мережковского визитную карточку и книги “Петр и Алексей” для передачи. Одну я стяну, скажу: “дал на отзыв Бубукину”. Натуся меня поймет, кто это такой критик Бубукин. А ты улыбаешься. А те сухари и улыбнуться не могут, а только щерятся» [26, с. 452].

«Бубукин» — это прозвище годовалой дочери Ремизова, Натальи Ремизовой, которая в письме Ремизова получает статус якобы литературного критика, оценивающего новый роман знаменитого писателя Д.С. Мережковского.

В заключение нужно сказать, что «детскость» становится закономерным свойством озорства Ремизова, и одновременно — формой протеста как осмеяния и развенчания мнимых авторитетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Грачева А.М. Революционер Алексей Ремизов: Миф и реальность // Лица: Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1993. Вып. 3. С. 419–447.
2. Доценко С. «Библией мух бьете!»: Автобиографический миф А. Ремизова // Блоковский сборник XVII: Русский модернизм и литература XX в. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. С. 102–138. (Humaniora: Litterae Russicae).
3. Доценко С. К проблеме дешифровки одного анекдота из мемуарной книги А. Ремизова «Кухня» // Русская литература. 2005. № 1. С. 179–187.
4. Доценко С. Образ Петра I в повести А. Ремизова «Крестовые сестры» // Slavica Revalensia. 2017. Т. IV. С. 40–67. (Periodica Universitatis Tallinnensis. Humaniora).
5. Доценко С. Почему обезьяна кричит петухом: К объяснению одного мотива в творчестве А.М. Ремизова // Wiener Slawistischer Almanach. 1998. Bd. 42. S. 117–121.
6. Исунов К.Г. Трансцендентальная эстетика Достоевского // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 99–109.
7. Обатнина Е.Р. Комментарии // Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 2002. Т. 7: Ахру. С. 502–611.
8. Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.
9. Панченко А.М. Юродивые на Руси // Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. С. 337–354.
10. Успенский Б.А. Анти-поведение в культуре Древней Руси // Избранные труды. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 460–476.
11. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви: Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия. 3-е изд. М.: Изд-во книгопродавца А.Д. Ступина, 1902. 298 с.

Источники

12. *Адамович Г. Литературные беседы <«Оля» А. Ремизова> // Адамович Г.В. Собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2015. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928) / вступ. статья, сост., подгот. текста. и примеч. О.А. Коростелева. С. 485–488.*
13. *Адамович Г. «Современные записки», Книга 51-я // Адамович Г.В. Собр. соч. Литературные заметки: в 5 кн. СПб.: Алетейя, 2007. Кн. 2 («Последние новости» 1932–1933) / подг. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. С. 207–214.*
14. *Белый А. Между двух революций. М.: Худ. лит., 1990. 670 с.*
15. *Белый А. Начало века. М.: Худ. лит., 1990. 688 с.*
16. *Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. 710 с.*
17. *Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. 446 с.*
18. *Волошин М. Стихотворения и поэмы. СПб.: Наука; Петербургский писатель, 1995. 704 с.*
19. *Жизнь и деяния аввы Симеона, юродивого Христа ради, записанные Леонтием, епископом Неаполя Критского // Жития византийских святых. СПб.: Corvus; Terra Fantastica, 1995. С. 125–184.*
20. *Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. 330 с.*
21. *Кузмин М.А. Дневник 1934 года / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Г.А. Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. 416 с.*
22. *Маковский С. Николай Гумилев по личным воспоминаниям // Николай Гумилев в воспоминаниях современников / ред.-сост., предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Вся Москва, 1990. 320 с.*
23. *Молдаванов Н. [Ремизов А.] Плач девушки перед замужеством // Курьер. 1902. 8 сент. № 248. С. 3.*
24. *Ремизов А. Дневник 1917–1921 / подг. текста А.М. Грачевой, Е.Д. Резникова; вступ. заметка и коммент. А.М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 16. С. 407–549.*
25. *Ремизов А. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / подг. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1985. No IV. С. 149–190.*
26. *Ремизов А. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / подг. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. No IX. С. 443–498.*
27. *Ремизов А. Подорожие: Рассказы. СПб.: Сирин, 1913. 254 с.*
28. *Ремизов А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 2000–2003. Т. 1–10.*

29. Тыркова-Вильямс А.В. Тени минувшего: Встречи с писателями // Воспоминания о серебряном веке. М.: Республика, 1993. С. 322–342.
30. Форш О. Ворон: Роман. Л.: ГИХЛ, 1934. 148 с.

REFERENCES

1. Gracheva, A.M. “Revoliutsioner Aleksei Remizov: Mif i real'nost'” [“Revolutionary Aleksei Remizov: Myth and Reality”]. *Litsa: Biograficheskii al'manakh*, vol. 3. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1993, pp. 419–447. (In Russian)
2. Dotsenko, S. “‘Bibliei mukh b'etel': Avtobiograficheskii mif A. Remizova” [“‘You Beat Flies with the Bible!': Autobiographical Myth of A. Remizov”]. *Blokovskii sbornik XVII: Russkii modernizm i literatura XX v. [Blok Collection XVII: Russian Modernism and Literature of the 20th Century]*. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006, pp. 102–138. (In Russian)
3. Dotsenko, S. “K probleme deshifrovki odnogo anekdota iz memuarnoi knigi A. Remizova ‘Kukkha’” [“To the Problem of Decoding of an Anecdote from A. Remizov's Memoir ‘Kukkha’”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2005, pp. 179–187. (In Russian)
4. Dotsenko, S. “Obraz Petra I v povesti A. Remizova ‘Krestovye sestry’” [“The Image of Peter the Great in Aleksei Remizov's Short Novel ‘The Sisters of the Cross’”]. *Slavica Revalensia*, vol. IV, 2017, pp. 40–67. (In Russian)
5. Dotsenko, S. “Pochemu obez'iana krichit petukhom: K ob'iasneniiu odnogo motiva v tvorchestve A.M. Remizova” [“Why the Monkey Screams like a Cock: Interpretation of One Motive in the Works of Aleksei Remizov”]. *Wiener Slawistischer Almanach*, Bd. 42, 1998, S. 117–121. (In Russian)
6. Isupov, K.G. “Transtsendental'naia estetika Dostoevskogo” [“Transcendental Aesthetics of Dostoevskii”]. *Voprosy filosofii*, no. 10, 2010, pp. 99–109. (In Russian)
7. Obatnina, E.R. “Kommentarii” [“Comments”]. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*, vol. 7: Akhru. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2002, pp. 502–611. (In Russian)
8. Obatnina, E.R. *Tsar' Asyka I ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh [Tsar Asyka and His Subjects: Great and Free Monkey Chamber of Aleksei Remizov in Persons and Documents]*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2001. 384 p. (In Russian)
9. Panchenko, A.M. “Iurodivye na Rusi” [“The Fool for the Sake of Christ in Russia”]. Panchenko, A.M. *O russkoi istorii i kul'ture [About Russian History and Culture]*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000, pp. 337–354. (In Russian)

10. Uspenskii, B.A. "Anti-povedenie v kul'ture Drevnei Rusi" ["Anti-behavior in the Culture of Ancient Russia"]. *Izbrannye trudy*. [Selected Works,], vol. I: Semiotics of History. Semiotics of Culture, 2nd ed. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, pp. 460–476. (In Russian)
11. *Iurodstvo o Khriste i Khrista radi iurodivye Vostochnoi i Russkoi Tserkvi: Istoricheskii ocherk i zhitiia sikh podvizhnikov blagochestiia* [The Fool for the Sake of Christ in the Eastern and Russian Churches: An Historical Essay and the Lives of the Pious Ascets]. 3rd ed. Moscow, A.D. Stupin Publ., 1902. 298 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 02 ноября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 16 апреля 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: November 02, 2021

Approved: April 16, 2022

Date of publication: October 07, 2024